

18+

ГЛУПОУМЬЕ

Ранние произведения

Андрей
Сонин

Андрей Сонин

Глупоумье. Ранние произведения

<https://litres.ru/74504137>

ISBN 9785007130349

Аннотация

В книге собраны ранние литературные работы автора. Это — разного объёма рассказы и небольшая повесть. Все представленные в сборнике произведения в той или иной степени опираются на воспоминания и жизненные впечатления автора и отражают и анализируют разносторонние отношения между людьми.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Заметки с разных мест	5
I. Рождество	5
II. Счастье	13
III. Мас Мерик	18
IV. Собака	24
V. Звук	29
VI. Музей ветчины	35
VII. Посещение	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Глупоумье

Ранние произведения

Андрей Сонин

© Андрей Сонин, 2026

ISBN 978-5-0071-3034-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На обложке — рисунок автора «Алеппская сосна напротив балкона в Монпелье», 1993 г. (бумага, кисть, тушь).

В конце всех входящих в эту книгу литературных произведений указаны место и дата их первоначального написания. Впоследствии все работы были ещё дважды отредактированы автором: в 2015—2016 и в 2022—2026 гг. в Москве.

Заметки с разных мест

(I—VII)

I. Рождество

Почти каждую ночь в ту парижскую зиму четыре весьма странных воображаемых персонажа сопровождали меня перед отходом ко сну. Это были: банщик, печник, профессор и академик. Первые два согревали меня в большой, стылой постели: банщик топил баню, а печник — печку. Профессор же и академик занимались со мной психотерапией и давали разные житейские советы. Подобные фантазии помогали мне быстрее уснуть.

Чувствовал себя я в своей холодной квартире тем декабрём одиноко и неуютно. Вечерами топил электрические батареи, а на ночь их отключал (экономил франки); и по утрам из кровати невозможно было вылезти, — комната остывала до плюс десяти градусов.

Да, зима тогда в Париже выдалась на редкость холодная! Но снега, как обычно, не было. Во Франции всё время так — почти нет снега. Не чувствуешь смены времён года. Всегда какое-то безвременье!

Приближались Рождество и Новый год — праздники, в которые грустно быть одному, и я надеялся провести их с Катей, — одной симпатичной сибирячкой. С ней я познакомился на вечеринке, в гостях у друзей, поляков Тушевских, — приятной молодой пары художников-акварелистов. Катя только что развелась с мужем, врачом-хирургом, который изменял ей с медсестрой, и которого, как мне казалось, она всё ещё любила. Покинув неверного супруга, Катя приехала из буржуазного столичного пригорода, где она до того жила, в Париж с двумя своими сыновьями-погодками — восьмью и девяти лет — и пыталась как-то здесь устроиться. Чтобы заработать на жизнь, она служила гувернанткой в нескольких местах — присматривала за детьми и пожилыми людьми. По объявлению в газете Катя нашла себе ухажёра — толстого француза Пьера, — с которым, однако, быстро разругалась.

При первой встрече эта женщина не произвела на меня большого впечатления, и я быстро забыл о ней. Однако волею случая наше знакомство вскоре возобновилось. Недели через две после ужина у Тушевских, холодным декабрьским вечером (это было в субботу) я прогуливался по Парижу, один и в неважном настроении. Прогулка мало что изменила в моём состоянии, и когда я вернулся домой, то почувствовал себя ещё более подавленным и одиноким.

Не знаю почему, но я открыл окно — отчего в и без того вымерзшей квартире стало ещё холоднее — и долго смот-

рел с высоты шестого этажа в тёмный колодец двора. Странно, но мне вдруг представилось, что я прыгаю вниз. Я точно знал, что никогда этого не сделаю, однако сердце моё ёкнуло, и по спине пробежали мурашки...

Вдруг зазвонил телефон. Это была Катя. В то время, когда я мучился от одиночества, перед ней стояли проблемы посерьёзнее. Оказалось, что ей нечем сейчас платить за квартиру. Раньше деньги на жильё ей давал Пьер, с которым теперь она не желала иметь ничего общего. В результате, в конце месяца она с двумя детьми должна была съехать с квартиры и рисковала очутиться на улице. Катя уже звонила нескольким знакомым, прося приютить её с мальчиками на несколько дней (пока она не найдёт какое-нибудь недорогое жильё), но все под разными благовидными предлогами отказывали.

Я предложил ей на некоторое время поселиться у меня — благо одна комната была свободна. Это её очень обрадовало, и она сказала, что с благодарностью воспользуется моим приглашением в случае, если не найдёт к началу месяца никакого дешёвого жилья.

Мы поговорили ещё немного. Я поведал ей о своём одиночестве и мрачных мыслях, и она, как могла, пыталась настроить меня на позитивный лад. Вроде бы это ей удалось — состояние моё улучшилось, и в конце концов мы договорились сходить вместе в какой-нибудь ресторанчик.

Следующим вечером мы с Катей ужинали в недорогом ресторане с французской кухней, расположенном недалеко

от собора Нотр-Дам и имевшим загадочное название «Северо-Юг». Официантами там работали преимущественно студенты из Латинского квартала. Им, по-видимому, платили немного, что и позволяло хозяевам заведения держать невысокие цены.

Моя дама была в строгом чёрном платье, и её белую шею украшало ожерелье из розового жемчуга. Мне казалось, что Катя выглядела свежее и моложе, чем при первой нашей встрече. Мы много болтали обо всём и ни о чём конкретно; гигантские креветки в кисловатом лимонном соусе и золотистое сладковатое вино Монбазияк были отменно вкусными...

Я так увлёкся Катей, что оставил в ресторане ключи от физической лаборатории Высшей нормальной школы, где я в то время работал. На следующий день мне пришлось снова заглянуть из-за этого в «Северо-Юг». Один из официантов вернул мне ключи — их нашли на полу. По-видимому, они выпали у меня из кармана куртки.

Проблема с жильём для Кати решилась уже на следующий день после нашего посещения ресторана. Она нашла дополнительную работу — отводить в школу и забирать из неё дочку-первоклашку одной богатой дамы. За это ей обещали немного платить и дали меблированную комнату.

Ещё через два дня, вечером, Катя с двумя своими мальчиками пришла ко мне в гости. Мы с ней накормили детей и с трудом уложили их спать в столовой — вдвоём на широком

раскладном диване. Несмотря на включённое электрическое отопление, в квартире было холодно, и дети мёрзли, так что пришлось накрывать их всем, чем только было возможно.

Мы с Катей ужинали в соседней комнате. Я приготовил роскошную (по моему мнению) еду: парное мясо с картошкой, салат из крабов, фрукты, конфеты, мартини... А потом мы занимались любовью. Тело Кати было натёрто нежным кремом и чудесно пахло. Насладившись друг другом, мы загнули в обнимку...

Спать, однако, долго не пришлось — дети в соседней комнате начали капризничать: старший отпрыск сталкивал младшего с кровати. Я вынужден был несколько раз за ночь вылезать из-под прогретого одеяла в холодную комнату и идти успокаивать мальчиков.

На следующее утро Катя с детьми ушла очень рано — в шесть часов, — ей надо было заехать домой переодеться и собрать детей в школу, а также забрать девочку-первоклашку из квартиры её мамы в восемь утра. Она обещала снова прийти вечером, это должен был быть канун Рождества.

Я ждал её весь этот проклятый вечер: ходил по квартире из угла в угол, часто прикладывал ухо к двери и прислушивался к шагам на лестнице. Наконец я понял, что она не придёт и что Рождество в этот раз придётся встретить одному. Тогда я достал из холодильника заготовленную для Кати новую бутылку мартини и, хотя был почти что трезвенником, быстро открыл её и осушил залпом полный стакан — так бы-

ло тоскливо!

Довольно быстро мне полегчало — надвинулось чувство лёгкого безразличия. Я зажёл лампочки на маленькой, свеженькой, пахнущей хвоей ёлке, включил телевизор и стал смотреть по первой программе какое-то представление — вроде нашего «Голубого огонька».

Вдруг зазвонил телефон. «Может быть, это Катя?» — мелькнуло у меня в голове. Однако это была не она, а мой друг Абрам — неунывающий физик-теоретик, тоже работающий в Париже. Из разговора с ним я понял, что Абрам проводит рождественский вечер у своей любовницы Изы. С ними ещё Изина мама, которая приехала погостить к дочери в Париж... Интуиция подсказала сообразительному Абраму, что я могу оказаться в Рождество один, и он звонил передать мне Изино приглашение провести рождественский вечер с ними.

Я ответил, что с радостью приду, подумав про себя, что, в конце концов, этот не слишком заманчивый вариант всё же лучше, чем сидеть дома одному. В темпе одевшись, я вышел на улицу, захватив с собой коробку конфет, также купленную для несерьёзной Кати. Я шёл быстрым шагом. От парижских бульваров веяло пустотой и холодом.

Иза жила в средневековом доме, зажатом другими почти что не менее старыми строениями в узкой, мощёной брусчаткой улочке, — неподалёку от площади Республики. Поднявшись на второй этаж по скрипучей деревянной лестнице,

я позвонил в тяжёлую дубовую дверь её квартиры. Открыла сама хозяйка — пухленькая темноволосая еврейка в очках.

В комнате жарко топился камин, пахло еловыми ветками. За столом сидели толстая Изина мама, Изина дочка — восьмилетняя Маша — и Абрам.

Иза уже несколько лет обитала в Париже, но эту квартиру сняла недавно. Она занималась написанием рецензий на спектакли, идущие в местных театрах, то есть, как здесь говорят, была представительницей свободной профессии. С мужем — художником-неудачником — она развелась и возвращаться на родину не собиралась: жила одна со своей дочкой и цепко держалась за Францию.

Мы болтали без умолку о всяких разностях. Была хорошая еда и великолепное красное бордо. Так, незаметно для нас, приблизилось утро...

Я возвращался домой по чуть освещённым восходящим солнцем пустынным парижским улицам в весьма приподнятом настроении. «В конце концов, — думал я, — всё пойдёт к лучшему, а Катя — это эпизод...» Как я потом узнал, она провела Рождество в компании двух соотечественников — мафиози-бизнесменов — в шикарном русском ресторане «Распутин».

Приближался Новый год... В Париже — это здорово! В новогоднюю ночь, пробиваясь сквозь праздную толпу, заполняющую улицы и площади этого города, можно поцеловать любую, даже самую-самую красивую девушку. Таков

обычай.

И я был уверен, что в новом году всё станет куда лучше!

Монпелье (Франция), 1993 г.

II. Счастье

Постарайся добиться того, чтобы счастье не зависело ни от каких событий.

Екатерина II

Умные мысли часто приходят ко мне, когда я стою под горячим душем. Тёплые, нежные струи ласкают тело, а в голове всё роится. Как-то таким манером подумалось мне на извечную тему о счастье.

Проживая свою жизнь, я часто чего-то ждал и был уверен, что наступление этого «чего-то» сделает меня на какое-то время счастливым человеком. События, ожиданием которых я жил, были не одинаковыми в разные периоды моей жизни. В детстве — это всевозможные подарки, которые делали мне родители и многочисленные родственники. Например, оловянные солдатики, я собрал их целую армию. Или игрушечная гэдээровская железная дорога, девятнадцать металлических советских («юбилейных») рублей на её покупку отложил мой дед. Или великолепные парадные фуражка и погоны, подаренные мне одним генералом, другом второго деда. Или чёрненький кролик с белым ушком, носящий имя героя популярной передачи «Спокойной ночи, малыши», — Стёпа, купленный папой на рынке. Этот кролик любил залезать в кровати и писать на одеяла и, в конце концов, убежал в лес. Или черепаха Тортилла, которую мне подарили соседи

по даче. Две зимы Тортилла проспала в нашей московской квартире под ванной, а на третий год, летом, тоже скрылась в дачном лесу.

А ещё в детстве я жил ожиданием встреч с друзьями по двору, поездок в дома отдыха, праздников, военных парадов и салютов, Нового года и новогодней ёлки с подарками, сложенными под ней.

Став взрослее, я ждал посещений изостудии Дворца пионеров и мастерской скульптора, где учился рисовать и лепить; ждал занятий нумизматикой и историей искусства в Пушкинском музее и следовавших за ними чаепитий и увлекательных бесед с моей доброй бабушкой, жившей неподалёку от музея в Доме на набережной.

В ещё более взрослом возрасте — тренировок по плаванию и бегу, весёлых студенческих вечеринок и дискотек, свиданий с моей сексапильной подругой — стройной блондинкой с зелёными глазами.

А потом я ждал публикаций своих статей в научных журналах и интересных физических семинаров и конференций; заграничных командировок и возвращений из них домой, где встречала меня жена (не та подруга студенческих лет, а совсем не похожая на неё, спокойная и добрая женщина) и сын — крепкий и розовощёкий мальчуган.

В детстве я, как и все, наверное, был счастлив перманентно — и в интервалах между ожидаемыми событиями, и когда они уже наступили. Однако, всё более и более отдаля-

ясь от этой первой благословенной поры жизни, я стал замечать, что уже не ощущаю должного счастья при ожидании; и даже, когда соответствующее событие наконец происходило, наступление его становилось всё менее и менее ярким. Хотя по прошествии некоторого времени, уже ожидая чего-то нового, я часто думал: «Ах, чёрт возьми, как же я был счастлив совсем недавно!» Парадокс! Но, наверное, многие так живут.

Сталкиваясь с некоторыми житейскими трудностями, я стал задумываться над тем, стоит ли вообще чего-нибудь ждать? Одним из первых, кто косвенно натолкнул меня на эту мысль, был мой парижский приятель Абрам — жизнерадостный (по крайней мере, с виду) физик-теоретик еврейской национальности, недавно приехавший из России. В коридоре Абрамовой квартиры к стене был приколот засаленный тетрадный лист с частично придуманными самим Абрамом, частично перефразированными из булгаковского «Мастера и Маргариты» словами:

Ничего не жди,
Ни на кого не надейся,
Ни к кому не привязывайся,
Ничего ни у кого не проси, —
Придут и сами дадут.

Действительно, поведение Абрама в той или иной мере соответствовало этому девизу. И может быть, он был счастлив? Не знаю, не спрашивал...

Другим толчком, побудившим меня несколько пересмотреть своё отношение к счастью, было наблюдение за бездомными бродягами. Во Франции эти оборванные и грязные люди — «клошары», как их называют, — часто сопровождаются собаками. Мне сказали (но я не очень этому верю), что полиция не может задерживать клошаров с собаками: присутствие мохнатых друзей переводит их в новый статус — охранников улиц.

Как-то раз в Монпелье, приморском городе на юге Франции, в жаркий летний полдень мне повстречался пожилой клошар, немец, сидящий на прохладном бортике бьющего ледяными струями фонтана. Рядом с ним, на подстилке, расположились немецкая овчарка и два симпатичных сереньких кролика. Если кто-то из прохожих останавливался посмотреть на животных, клошар объяснял, что он очень любит своих питомцев и собирает деньги на их пропитание. Многие французы держат дома разную живность, поэтому ему охотно давали по одному-двум франкам.

Другого подобного бродягу я видел в Париже, на одном из бульваров. Это был шарманщик с двумя пушистыми жирными кошками, лежащими в плетёной корзине у его ног. Весёлая мелодия шарманки радовала слух, а её расписные бока и уютный вид кошек — взгляд, так что один расчувствовавшийся прохожий даже всучил шарманщику целую пятидесятифранковую бумажку.

Эти двое нищих, да и многие другие бродяги, которых

я встречал, и которым, казалось, было уже особенно нечего ждать от жизни, имели, в большинстве своём, вполне довольный вид и, казалось, были счастливы существованием в своих маленьких мирках...

Так, может быть, для счастья нужно совсем немного?

«Однако, я совсем распарился... Под душем стало уже невыносимо жарко. Надо вылезать!»

Вот так, уже в который раз, вопрос о счастье остался недодуманным...

Москва, 1994 г.

III. Мас Мерик

*Редкий катаклизм обходится без
предзнаменований.
Реймон Радиге*

Уже полгода, как я жил в Монпелье, небольшом (по российским меркам) городе на юге Франции, расположенном неподалёку от Средиземного моря. Однако за всё это время мне ни разу не представился случай увидеть одну из главных местных достопримечательностей — Мерик — имение семьи знаменитого художника Фредерика Базиля. Творчество этого живописца сыграло важную роль в становлении импрессионизма.

Как-то моя подруга-француженка Элен рассказала мне по телефону, что у них в велосипедном клубе был пикник в районе Мерик, и посоветовала мне посетить при возможности это место. Так во мне пробудилось окончательное и твёрдое желание взглянуть на поместье Базилей. А несколько позднее в руки мне попал красочно оформленный каталог выставки этого художника, проходившей примерно год назад в художественном музее Фабра в Монпелье. Книга эта позволила подготовиться к знакомству с имением Мерик теоретически. В ней я отыскал несколько фотографий усадьбы, а затем на плане города — её месторасположение — как раз за кладбищем Сен-Лазар.

Часто вечерами я бегал трусой вдоль высокой каменной ограды этого кладбища, находившегося недалеко от моего дома. За большим старым кладбищем примостилось новое — поменьше. Там ещё было много незанятой захоронениями земли. Параллельно новому кладбищу шла узенькая улочка. Однажды, как обычно, я бежал по ней... Справа от меня, за свежеекрашенной металлической решёткой, тянулись кладбищенские склепы; слева (на другой стороне улочки) плыл серый железобетонный забор, а за ним — стройка. Вокруг — ни души. Грустное место!

Уже темнело, и кладбище выглядело как-то зловеще. Его ворота давно уже были закрыты, а значит, никого из посетителей там быть не могло. Однако странное дело — я заметил в полумраке около одной из могил сгорбленную фигуру человека, повёрнутую ко мне спиной. И мне показалось, что эта фигура пошевелилась... Я остановился и стал её разглядывать. Нет — она не двигалась. Это была, наверное, скульптура, но какая-то необычная — как живая!

Я пробежал ещё немного вперёд и очутился на асфальтированной площадке перед закрытыми массивными металлическими воротами, которые, как я узнал позднее, отгораживали имение Мерик от внешнего мира. Переведя там немного дух, я решил возвращаться. Пробегая снова мимо места, откуда до этого видел загадочную фигуру, я бросил взгляд в её направлении. Она находилась там же, в неизменном положении. Это точно была скульптура.

Итак, одним воскресным сентябрьским погожим утром, захватив с собой каталог выставки и план Монпелье, я отправился смотреть Мерик. Вся дорога пешком — от дверей моего дома до ворот усадьбы — заняла примерно полчаса. Имение было открыто. Прежде, чем проникнуть вглубь его территории, я прочитал надпись на деревянной табличке, прибитой к воротам с внутренней стороны. Надпись сообщала, что бо́льшая часть усадьбы Мерик: дом, хозяйственные постройки и двенадцать гектаров земли — была подарена семьёй Базилей городу Монпелье в январе 1992 года. Себе Базили оставили только участок в два гектара. Теперь мне стало ясно, почему Мерик не упоминается в путеводителях по городу — ведь это место только совсем недавно перестало быть полностью частной собственностью.

Большой каменный дом имения я узнал сразу, но для уверенности сравнил его с фотографией в каталоге. Здание выглядело заброшенно: стены покрыты чёрной пылью, почти все окна и двери были заколочены грубыми досками. В зале на нижнем этаже организовали небольшую экспозицию: репродукции картин Базиля с пояснениями. Прочитав одно из них, я расшифровал для себя красивое название этого дома — «Мас Мерик». Оказалось, что словом «мас» на юге Франции называют нечто среднее между сельским домом и замком, то есть очень большой сельский дом; а «Мерик» — это искажённое имя первого владельца усадьбы, жившего в начале семнадцатого века.

Среди настенных плакатов с комментариями я увидел, конечно, и изречения вездесущего мэра Монпелье, месье Жоржа Фреша. Фреш — уроженец департамента Тарн, глубокой сельскохозяйственной провинции Франции, — являлся, несомненно, гордостью своих соотечественников — ведь Монпелье был столицей всего региона Лангедок-Руссильон!

С просторной, залитой южным солнцем веранды дома, если посмотреть вниз, видна узкая, поросшая осокой речка — Лез. А на другом её берегу — деревня Каастельно́. Этот пейзаж изображён на известной картине Базиля «Вид на деревню»: портрет девушки, сидящей на траве под сосной невдалеке от мас Мерик, а на заднем плане — те же речка и деревня с церковной колокольней. Более чем за сто лет почти ничего не изменилось, только речка раньше была шире и чище.

Среди картин Базиля можно увидеть много характерных южных пейзажей окрестностей Монпелье, часто писавшихся прямо с веранды мас Мерик или на зелёных, поросших густым кустарником берегах Леза. Художник любил эти места и в последние свои годы, когда жил в Париже, каждое лето проводил в родительском имении. Это неудивительно — именно с мас Мерик у него были связаны самые первые детские воспоминания. Однако Базиль родился не в Мерик, а в центре города Монпелье, на улице, носящей сейчас название Гранд Рю Жан Мулен, в старом доме номер 11. Этот дом сохранился до сих пор, и он также принадлежал родителям художника.

Отец Фредерика Базиля был известным, уважаемым и богатым человеком — агрономом, председателем промышленного общества Монпелье и сенатором. Вообще, многие Базили нажили значительные состояния. Но, думаю, что не будь художника Базиля, о существовании других представителей этого семейства сейчас уже мало бы кто знал. Действительно, за свою короткую жизнь Фредерик сделал невероятно много. Его неслучайно считают одним из самых значительных предшественников импрессионизма.

Известие о начале франко-прусской войны настигло Базиля летом 1870 года в усадьбе Мерик, и уже в августе он отправился добровольцем на фронт. В ноябре семья Базилей получила письмо от командования его части, в котором говорилось, что после одного из сражений на севере страны, в Бургундии, Фредерик пропал без вести... Отец художника немедленно поехал на поиски сына.

Базиль-старший нашёл труп Фредерика на покинутом поле брани среди множества других, ещё неубранных тел. Художник получил две пули — в руку и в живот. Ему было всего двадцать восемь лет.

Фредерика Базиля похоронили на протестантском кладбище в Монпелье, а на месте, где нашли его тело, сейчас поставлен скромный обелиск.

Я побродил ещё немного в парке имения. Как почти везде на юге, там было мало тени — всё залито солнцем. Со всех сторон это зелёное пространство обступали новостройки. Я

подумал, что семья Базилей правильно сделала, отдав Мерик с большим участком парка в собственность города. Иначе, если бы они продали усадьбу по частям нескольким покупателям, парк непременно бы застроили новыми домами.

По крутому откосу я спустился к берегу Леза и перешёл речку по узенькому деревянному мостику. На другом берегу, перед деревней, раскинулся ещё один небольшой парк, в котором на детской площадке играли ребятишки. Рядом — больница с поэтическим названием «Клиника парка».

Возвращаясь домой и снова проходя мимо кладбища, я решил получше разглядеть надгробную скульптуру, которая раньше немного напугала меня. Это была раскрашенная деревянная статуя какого-то бородатого святого. Фигура оказалась раза в два ниже человеческого роста, однако в сумерках и издали она походила на живого взрослого человека.

Большинство вещей имеет простое объяснение.

Монпелье (Франция), 1993 г.

IV. Собака

Уже достаточно долго — больше полугода — я работал в университете города Монпелье на юге Франции. Было лето, и жара стояла невыносимая. Я взял небольшой отпуск, и все дни проводил на море на нудистском пляже со своей французской подругой Элен.

Изумрудное прохладно-тёплое море приятно ласкало тело, и не хотелось выходить из воды на берег — на раскалённый белый песок. Всё же приходилось иногда вылезать... Вода быстро высыхала на теле, и кожу стягивала жестковатая плёнка соли. Я не был приучен к палящему южному солнцу, поэтому густо намазывался кремом от загара и прятал голову под воткнутый в песок складной матерчатый зонтик. Южанка Элен, напротив, чувствовала себя в этом пекле прекрасно и не нуждалась ни в каких предосторожностях.

Вечерами, когда жара спадала, я занимался преимущественно спортом: бегал трусцой в небольшом, оборудованном для детей парке, который располагался совсем недалеко от моего дома. Чтобы пробежать там приличную дистанцию, скажем, километров пять, мне приходилось делать множество кругов по его песчаным дорожкам.

Однажды вечером, как обычно, я бегал трусцой... Моросил летний тёплый и мелкий дождь, что бывает редко в этих южных и солнечных краях. Наверное, из-за плохой погоды в

парке не было ни одной живой души, только одна пожилая женщина выгуливала двух миниатюрных болонок.

Пробегая по липкой, размытой водой аллее мимо слегка приоткрытых массивных металлических ворот парка, я увидел, как вовнутрь, с улицы, чёрной тенью проскользнула крупная немецкая овчарка. Она была без хозяина, хотя у неё на шее поблёскивал металлическими вставками кожаный ошейник.

Несмотря на то, что я побаивался больших собак, подозревая их в намерении ухватить меня во время бега за штаны, я всё же решил продолжать свою разминку, не обращая большого внимания на овчарку, тем более что, как мне подумалось, её хозяин должен был находиться где-нибудь неподалёку. Когда я поравнялся с дамой с болонками, она прокричала, обращая ко мне: «Месье, это, случайно, не ваша овчарка? Она не тронет моих собачек?»

Остановившись и переведя дух, я постарался успокоить её: «Нет, мадам. Овчарка не моя. Но её хозяин, наверное, где-то поблизости. А если она и потерялась, то у неё совсем незлой вид. Так что не волнуйтесь». И я продолжил свой бег. Овчарка же между тем как-то незаметно исчезла — наверное, выскользнула через ворота на улицу в то время, как мы с дамой разговаривали.

Так в первый раз я увидел эту собаку. Через несколько дней, бегая в парке, я снова встретил её. На этот раз, кроме овчарки и меня, в парке абсолютно никого не было. «Навер-

ное, эта собака действительно бездомная», — подумалось мне тогда. Я попытался к ней приблизиться и поманить её, но овчарка, по-видимому, испугавшись, издала глухое рычание и, пятясь, удалилась вглубь аллеи. Мне показалось, что сегодня она стала пугливее, чем в тот раз, когда я впервые её увидел.

Следующим вечером, когда Элен ужинала у меня, я рассказал ей о бездомной овчарке. Моя подруга любила животных: дома у неё мирно сосуществовали пудель, кошка и морская свинка. Естественно, что она тут же загорелась желанием пойти в парк — посмотреть на эту собаку. В багажнике своей машины Элен нашла жестяную банку собачьих консервов, купленную для пуделя. Она переложила содержимое банки в объёмистую эмалированную миску с крышкой, сказав, что попробует покормить овчарку.

Придя в парк, мы нашли собаку в самом дальнем углу, за детской площадкой. Элен позвала её, но овчарка явно не хотела к нам приближаться. Тогда мы решили оставить миску с едой за воротами, около самого входа в парк, а на следующий день вернуться и посмотреть — съест ли овчарка нашу пищу.

Вечером следующего дня, захватив с собой новую миску с собачьей едой, мы снова пришли в парк. Моя подруга за ужином выпила порядочно вина (что с ней иногда случалось) и по дороге успела растерять половину содержимого миски, которую она несла в руках. Данное обстоятельство её весьма

опечалило. Войдя в ворота, мы увидели, что старая миска находилась на том же самом месте, где мы её вчера оставили, но была пуста. По-видимому, наша овчарка съела пищу. Однако на этот раз собаки в парке не оказалось.

Заменив старую миску на новую, Элен удобно расположилась на скамейке, изъявив желание во что бы то ни стало дожидаться появления овчарки. Мы стали ждать... Становилось всё прохладнее. Я принялся прохаживаться кругами около лавочки, а Элен, развалившись на ней, просто-напросто заснула. Прошло полчаса, час, два — ничего. «Нет, так дальше невозможно! Уже почти час ночи, а эта злосчастная собака ещё не появлялась. Не ночевать же здесь!» — подумал я, потеряв вконец терпение, и стал расталкивать свою подругу.

Порядочно потрудившись, я разбудил Элен и с огромными усилиями поднял её с лавки. Несмотря на активное сопротивление подруги — она решила, по-видимому, провести в парке ночь, дожидаясь появления овчарки, — мне всё же удалось увести её домой. С Элен всегда было очень трудно сладить, когда она выпьет.

Позднее, мы ещё несколько раз приходили в парк и оставляли там еду. Потом мы всегда находили пищу нетронутой, и овчарку больше не видели. Впрочем, когда один раз я бежал в парке, мне показалось, что миска пуста. Но нет, в ней оставались кусочки мяса, просто их размыл дождь.

Не знаю почему, но впоследствии мои мысли иногда возвращались к этой собаке. Я вспомнил, что те два раза, ко-

гда я встречал её, овчарка прибежала со стороны городского кладбища, находившегося прямо за парком. Мне представилось, что, может быть, хозяин овчарки недавно умер, и она, оставшись без приюта, весь день проводила у него на могиле, а к вечеру перебиралась ночевать в парк. Но почему эта собака была такая пугливая? Может быть, какой-то злой человек бил её? Или, может быть, это вовсе была и не живая овчарка, а призрак, галлюцинация.

Однако, так или иначе, собака исчезла и больше не появлялась.

Монпелье (Франция), 1993 г.

V. Звук

Сен-Бертран-де-Комменж представлял собой заштатный городишко, лежавший на отрогах Пиренеев, недалеко от Тулузы и ещё ближе от Банер-де-Люшон. До революции там располагалась резиденция епископа, и сохранившийся с той поры кафедральный собор по сей день привлекает некоторое количество туристов.

Монтегю Родс Джеймс

После долгой езды на машине по пыльным, раскалённым августовским зноем дорогам из Монпелье через Тулузу, мы (моя французская подруга Элен и я), наконец, достигли Пиренеев и прибыли в небольшое поселение Сен-Бертран-де-Комменж.

Остановились мы у друзей Элен. Это была весьма забавная пара из Монпелье... Оба в возрасте, оба безработные (жившие на пособия), оба разведены. Она — Ирен — худая подвижная брюнетка; он — Ив — немного неряшливый, заросший бородой блондин. Оба люди творческие. Ирен пыталась написать в своё время книгу в соавторстве с одним местным прозаиком — некий опус об истории Монпелье и его окрестностей. Работа, однако, не была завершена, так как упомянутый писатель впал в затяжной творческий кризис. Ив же был философом. Любил много рассуждать на отвлечённые глобальные темы — особенно выпивши, — что с ним

достаточно часто случалось. Он тоже что-то писал, наверное, философские дневники. Неосуществившейся мечтой этого бывшего коммерсанта являлась профессия кинорежиссёра.

Сельское имение, доставшееся Иву в наследство от родителей, включало в себя солидных размеров каменный двухэтажный дом и бревенчатый флигель. Строения размещались в обширном, запущенном и заросшем бурьяном саду. Каждое лето Ирен и Ив проводили здесь. А в этом году, так как погода стояла теплее обычного, они перебрались сюда из Монпелье ещё в апреле. Сами они жили в доме, а нас на два дня, что мы намеревались провести у них, поселили во флигеле. Мы спали на втором этаже на двух скрипучих кроватях.

Туалет во флигеле отсутствовал, и, проснувшись в первую ночь от желания пописать, я вынужден был спуститься из своего нагретого логова по узенькой деревянной лесенке в холодный, сырой сад. Чёрное небо в россыпи звёзд расстилось надо мной. Вокруг в густой тьме ничего не было видно, и стояла такая тишина, что, казалось, что слегка звенит в ушах. Однако я знал, что прямо напротив меня, шагах в тридцати, находится заброшенный соседский дом, спрятанный за разросшимися колючими кустами и полуразвалившейся каменной изгородью. Наши хозяева накануне за ужином рассказывали, что дом этот принадлежит одному пожилому господину, который живёт в Тулузе и вот уже лет пять сюда не наведывается. Этот человек страдал каким-то психическим расстройством и, наконец, по-видимому, совсем

сошёл с ума, поэтому и не появлялся больше в своём поместье.

Уехав в город, он оставил в доме свою сторожевую собаку. В течение первых нескольких лет сердобольные соседи (в том числе Ирен и Ив) регулярно приносили ей еду. Однако без хозяйского ухода собака постепенно дичала, а потом внезапно пропала. Постепенно о ней забыли. Однако через пару лет после её исчезновения кто-то из соседей снова случайно вспомнил о ней, высказав мысль, что собака умерла, и, наверное, её скелет всё ещё лежит где-нибудь внутри заброшенного дома — нужно только внимательно поискать. Обшарили весь дом, но, кроме разодранного тряпья и грязных кусков обоев, разбросанных по углам комнат, ничего не обнаружили... Обыскали и прилегающий к дому запущенный сад, но и там ничего не нашли... А чувство, что скелет собаки должен всё же где-то быть, в доме ли, в саду ли, осталось.

Это же беспокойное ощущение тревожило и меня, когда я очутился в непроглядной темени сада — прямо напротив невидимого необитаемого дома. Мне на секунду показалось, что матово-сверкающий силуэт собаки промелькнул в соседском саду и, высоко подпрыгнув, перескочил через наш забор, мягко приземлился около меня и затаился — стал невидимым. «Однако это всё ерунда, мне померещилось», — подумал я. В приведения, тем более собачьи, мне не верилось.

Застегнув ширинку джинсов, напыленных на голое тело, я бодро зашагал обратно к флигелю, шелестя сырой травой.

На следующий день вечером мы вчетвером решили поехать в Сен-Бертран-де-Комменж — посмотреть знаменитый собор, в котором хранятся мощи святого Бертрана — известного средневекового аббата. Дело было после ужина, за которым Ив успел прилично выпить. Мы разместились в его машине — длинном старом «Ситроене», её повела Ирен, не дав сесть за руль своему пьяненькому компаньону, несмотря на его настойчивые просьбы. Элен и я устроились на заднем сиденье, а Ив уселся рядом с Ирен и всю дорогу имитировал невероятное беспокойство: «Посмотрите, вы только посмотрите, как она водит мою тачку, — причитал он козлиным голосом, обращаясь к нам. — Она её разобьёт, а нас всех погубит. Ой, я боюсь, я боюсь!» Женщины, в свою очередь, всячески старались его утихомирить. Но Ив дурачился — Ирен уверенно чувствовала себя за рулём.

Ещё издали стала видна высоко, на скалистом холме, высеченная на фоне чёрного неба громада средневекового собора, стоящая на основании из грубо отёсанных валунов — древнеримском фундаменте.

Очень скоро мы благополучно добрались до места, и Ив, казалось, был разочарован, что его мрачные предсказания не сбылись: машина не разбита, а мы целы и невредимы.

Собор, как и следовало ожидать, был закрыт в столь позднее время — часы на его башне как раз пробили одиннадцать. Мы немного побродили вокруг достопримечательного

храма — цели нашего визита. В темноте не было почти ничего видно, и совсем захмелевший Ив всё время спотыкался о камни и коряги... Нам с Элен приходилось поддерживать его с двух сторон под руки, чтобы он не упал, а Ирен шла впереди, выбирая наиболее безопасный маршрут.

Наконец мы выбрались из мрака на ярко освещённую фонарями, мощёную брусчаткой площадь перед собором. Всё в округе уже спало. В окнах, выходящих на площадь домов, не было света. Всё вымерло вокруг.

Но вдруг неожиданный и странный звук расколол висящую в воздухе тишину. До наших ушей донеслось отчётливое урчание, очень похожее на храп. Поначалу нам казалось, что звук этот исходит из небольшого здания городской мэрии, примостившегося совсем рядом с собором. Наверное, это сторож храпит внутри, на первом этаже... Я приложил ухо к массивной дубовой двери мэрии и прислушался. Действительно, было похоже, что внутри кто-то храпел. «Может быть, — подумалось мне, — в мэрии кто-то забыл выключить громкоговоритель? А он и передаёт храп сторожа на улицу».

Однако, отойдя от мэрии и снова приблизившись к собору, мы ещё отчётливее слышали этот звук. Нам показалось, что храп стал громче и что доносится он откуда-то сверху, с колокольни собора. А может быть, это вовсе и не храп? Кто может храпеть на колокольне: человек — маловероятно; если только какая-нибудь птица? Но вы когда-нибудь встреча-

ли птицу, которая храпит?

Очень странным был этот звук! Всюду на площади перед собором мы его ясно слышали, и не могли в то же время понять, откуда он шёл. Удивительно было и то, что за всё время нашего пребывания около средневекового храма нам не встретилось не единой живой души, то есть загадочный звук мы слышали только вчетвером. Всем нам стало как-то немного не по себе. Даже Ив, казалось, несколько протрезвел. Не знаю, как другим, но мне почему-то совсем некстати вспомнились пропавшая собака и её сумасшедший хозяин.

Возвращаясь домой в машине, мы, немного заинтригованные и напуганные только что случившимся непонятным, мистическим явлением, хранили молчание.

Монпелье (Франция), 1993 г.

VI. Музей ветчины

Часто, засыпая, я представлял себе математический маятник — сверкающий и тяжёлый металлический шарик на длинной, прочной нитке. Он равномерно покачивался вправо-влево, вправо-влево, и я рассчитывал период его колебаний, который, как известно, не зависит от массы шарика, а связан только с длиной нити и ускорением силы тяжести. В ту ночь, в темноте номера мадридской гостиницы, в огромной кровати, под тихое похрапывание моей французской подруги Элен и размерное гудение кондиционера я снова и снова рисовал в своём воображении этот маятник, чтобы быстрее заснуть. Сон не приходил — наверное, я слишком устал, — и я ждал, когда у сна откроется второе дыхание.

В этот августовский день в Мадриде мы много ходили пешком: утром — по прохладным, кондиционированным залам музея Прадо, а днём, до самого вечера, — по раскалённым улицам старого города. Когда уже стемнело, мы выбрались на главную мадридскую улицу — Гран-Виа. Широкие проезжая часть и тротуары, капитальные дома буржуазного стиля — постройки начала XX века, несколько напоминающие те, что стоят на Елисейских полях в Париже или на Тверской в Москве. Яркий неоновый свет богатых витрин. Рестораны, ресторанчики, кафе, бары, кинотеатры, банки, агентства путешествий. Разряженная пёстрая толпа: мо-

лодѣжь, туристы; в переулках, на подходах к улице, встречались проститутки.

Мы умирали от голода и искали какой-нибудь недорогой ресторанчик с традиционной испанской кухней. Однако всё время встречались либо фастфуды типа «Макдоналдса», либо дорогие (преимущественно рыбные) рестораны. Наконец, уже безумно устав, мы набрали на пышно украшенную всевозможными сосисками, колбасами, окороками, паштетами витрину мясного ресторана с забавным названием «Музей ветчины». Не уверен, что это было что-то типично испанское, однако — недорого! Мы разместились за небольшим, накрытым белой, накрахмаленной скатертью столиком снаружи — на улице, напротив ресторанной витрины, и выбрали в меню нечто подобное двум объёмистым мясным салатам и бутылку красного вина. Официант был не слишком любезен, по-видимому, оттого, что мы не очень много заказали. Еда и вино оказались неплохими, и усталость наша постепенно уступила место приятной расслабленности. Утолив в первом приближении голод, мы принялись рассматривать колбасную витрину. Какое здесь чудовищное изобилие: действительно — настоящий музей! И какой толстый метрдотель в чёрном фраке, застывший в дверях! Интересно, почему это он строит такие недовольные мины?

А, вот в чём дело! Пожилой, заросший грязными патлами и бородой бродяга в мятом залатанном пальто остановился перед нашей благородной витриной. Дрожащими руками

старик вытащил из глубокого кармана пальто завёрнутый в обрывок газеты кусок хлеба и начал не спеша, со смаком его жевать. Он поглощал свой жалкий хлеб и пристально, зачарованно глядел на богатую мясную витрину, наверное, представляя себе, что ест не чёрствую горбушку, а что-то очень питательное, горячее и вкусное.

Бродяга довольно долго простоял так у ресторанной витрины. Наконец хлеб был съеден, и старик, тяжело вздохнув, поплёлся прочь по беззаботной Гран-Виа, сопровождаемый тяжёлым взглядом метрдотеля. Фигура нищего становилась всё меньше и меньше, и вскоре пёстрая толпа поглотила её...

Монпелье (Франция), 1993 г.

VII. Посещение

Это было, наверное, во Франции. Горячее августовское солнце закатывалось медленно-медленно за грядой горбатых гор. Я стоял у ворот древней, полуразрушенной крепости-музея и ждал. Ждал, когда окончательно сядет солнце и кассир на входе уйдёт — тогда я смогу беспрепятственно и, главное, бесплатно посмотреть живописные развалины. Правда, что увидишь в темноте?!..

Простаивать так пришлось совсем недолго — минут двадцать. За это время я успел изучить содержимое витрин нескольких сувенирных лавок в ближайшей округе и внимательно прочитать объявление, написанное чёрной масляной краской на огромном фанерном щите, прибитом над воротами, ведущими в крепость. Текст объявления был примерно таким: «Вы входите в частное владение (упоминалось название реставрационной фирмы, купившей замок). Вам встретятся исторические памятники и природа в первозданном виде. В связи с этим наша компания предупреждает Вас, что мы не несём ответственности ни за какой моральный или материальный ущерб, который может быть Вам нанесён на территории замка. Мы так же не будем нести ответственность в случае нанесения Вам физических увечий или в случае Вашей смерти. Призываем Вас соблюдать осторожность!»

Это зловещее предупреждение несколько охладило моё

желание посетить развалины замка, добавив в то же время и любопытство. Последнее некоторое время боролось во мне с подсознательным страхом и, наконец, одержало победу. Я переступил за ворота замка, ожидая встретить там настоящие приключения.

Извилистая, мощённая брусчаткой улочка поднималась на заросшую местами колючим кустарником гору. На её вершине в полумраке смутно проглядывались очертания развалин средневековой крепости. Вначале меня с двух сторон обступали невысокие, мрачные, каменные строения. В их окнах не было света, и трудно было сказать, живут ли в этих домах люди.

Вскоре я вышел на небольшую площадь, на которой приютилась древняя церковь романского стиля, и, поднявшись на несколько стёртых каменных ступенек портала, потянул за ручку массивной дубовой двери, ведущей в храм. Дверь со скрипом поддалась, впустив меня в просторную, заполненную тусклым светом свечей и запахом ладана залу. Аскетические лики святых, глядевших со стен, деревянные скамьи с причудливой резьбой и переливающиеся неземными цветами витражи, казалось, остановили здесь время в раннем средневековье. На зеленоватой медной табличке, прикреплённой к стене, я прочитал, что оформление и реставрация интерьера церкви осуществлены несколько лет назад жителем соседнего городка — художником таким-то, недавно скончавшимся и похороненным здесь же на церков-

ном кладбище.

Когда я вышел из храма, уже совсем стемнело. Зажглись уличные фонари, в свете которых отчётливо виднелась каменная ограда кладбища с выглядывавшими из-за неё вершинами кипарисов и крышами фамильных склепов. Кладбище было открыто, и я зашёл вовнутрь — хотелось отыскать могилу художника. «Нет, слишком темно, ничего не видно» — подумалось мне, — одни зловещие силуэты надгробных памятников, да и страшновато, надо выбираться отсюда».

Вдруг от одного из склепов, метрах в пятидесяти от меня, отделилась тень — человеческая фигура — и направилась в мою сторону. «Какая-то дичь. Кто здесь может быть так поздно вечером? — мелькнуло в моей голове. — Если только кладбищенский сторож». Однако, немного струхнув, я не стал ждать приближения этой тени, а ускорил шаги и снова быстро очутился на площади, за кладбищенскими воротами, в полосе матового фонарного света. Не сбавляя хода, я стал торопливо подниматься по той же улочке к крепости, развалины которой теперь отчётливо виднелись на вершине горы в свете мощных прожекторов, зажжённых во время моего пребывания на кладбище. Несколько раз я оглядывался вниз, на кладбищенские ворота, но оттуда никто не выходил.

Я поднимался всё выше и выше. Улица, по которой я шёл, постепенно сужалась и, наконец, перешла в извилистую тропинку. Дома закончились, и теперь по обеим сторонам теснились и наступали на меня развалины крепостных стен и

коммуникаций.

Около получаса занял подъём на самую высокую и единственную хорошо сохранившуюся башню замка. Здесь, наверху, пронизывающий ледяной ветер сбивал меня с ног, заставляя цепляться за стальные перила, устроенные по краям крепостных сооружений для безопасности посетителей.

С вершины башни открывалась необозримая перспектива. С одной стороны, внизу, в страшной глубине пропасти, разлилось море мерцающих огней от близлежащих деревень. С другой стороны я видел освещённую тусклыми фонарями, извивающуюся змейку улицы, по которой только что поднимался. Отсюда, сверху, было заметно, что в окнах некоторых домов на этой улочке всё же горел свет.

В самом начале улочки вырисовывалась площадь с крохотной церковью, в которую я только что заходил, и кладбище. Оно светилось множеством зелёно-жёлтых мерцающих огоньков, — как будто на каждой могиле кто-то поставил лампадку. Человек, не знающий причины этого явления, мог бы испугаться, однако я слышал, что кладбища часто так сияют ночью, если смотреть на них с высоты. Это светится газ, содержащий фосфор, который выходит из высыхающих костей покойников. Чем жарче окружающий воздух — тем свечение сильнее.

Постояв так немного на башне, я решил спускаться: для разнообразия — другой дорогой. Новая тропинка вывела меня на гладкую, отполированную ветрами каменную пло-

щадку, расположенную среди скал у подножия башни. Здесь, в окружении валунов, одиноко возвышался памятник — изящное из чёрного гранита скульптурное изображение по пояс какого-то господина: с длинными волосами, усами и в костюме, похожем на мушкетёрский. В темноте я не мог разобрать надпись на постаменте монумента, но почему-то был уверен, что это — кардинал Ришелье.

Вдруг произошла странная вещь. Подняв глаза, я увидел, что над головой статуи появилась подвешенная на золотистом плетёном шнуре, уходящем далеко в небо, красная кардинальская шляпа — точно такая же, как та, что висит над могилой Ришелье в парижской церкви Сорбонны. «Откуда могла взяться здесь эта шляпа, и как она была закреплена, что, за облако? Чистый бред!» — подумал я. Мне стало немного не по себе, и я решил побыстрее выбираться из странной крепости.

Тропинка быстро спускалась вниз, и вскоре я снова оказался среди домов на узкой улочке, но не на той, что прежде, однако тоже ведущей к выходу. Здесь в окнах некоторых домов горел свет, и от этого мне стало как-то уютнее. Появились небольшие ресторанчики и магазинчики, правда, все уже закрытые. Около одного из ресторанов я наткнулся на довольно необычное сборище: целая орава чёрных, мохнатых кошек, с ярко светящимися зелёными глазами расположилась полукругом на каменных ступеньках перед входом в заведение. Я подсчитал — кошек было тринадцать. Явно,

что они чего-то ждали...

Вдруг послышался скрип двери, отворяющейся за моей спиной, а затем — шаркающие шаги. Оглянувшись, я увидел суховато сложенную женщину преклонных лет, вперевалку направляющуюся в мою сторону и нёщую что-то в руках. Дама, по-видимому, была хозяйкой ресторана, а в руках у неё поблёскивала железная миска с кухонными отбросами — едой для бездомных кошек. Женщина сообщила мне, что кормит так своих многочисленных любимиц каждый вечер.

Поболтав немного с этой, как мне показалось, весьма симпатичной и добродушной госпожой, я на некоторое время забыл о недавно увиденных странных вещах, и настроение моё заметно улучшилось.

Распрощавшись с хозяйкой ресторана, я продолжил свой спуск по той же улочке к воротам замка. Почти в самом конце улицы моё внимание привлекло большое, ярко-освещённое окно на первом этаже, резко выделявшееся на фоне чёрной стены старинного каменного дома. Свет везде в округе был погашен, тогда как из этого окна исходило лучистое сияние, притягивающее как магнит.

Я медленно подошёл к горящему окну, встал на цыпочки и заглянул вовнутрь. Перед моим взором предстала просторная комната, в глубине которой возвышалась широкая деревянная кровать. На ней, среди множества подушек и одеял, лежала женщина невероятной толщины, в прозрачной розовой сорочке, с длинными рыжими волосами, в роговых оч-

ках и читала книгу. На кровати, по бокам от толстой дамы, разлеглось множество жирных, мохнатых кошек. На этот раз — не чёрных, а всех мастей: серых, рыжих, полосатых. Мне не удалось их сосчитать, но я чувствовал, что их было, как и раньше, тринадцать. Над кроватью покачивалась подвешенная к потолку люлька, в которой сладким сном спал грудной ребёнок — тоже очень толстый, лысый и, странное дело, в пенсне и с невероятного размера чёрными таракаными усищами.

Я довольно долго разглядывал эту необычную картину, благо, что толстуха была поглощена чтением и не обратила на меня никакого внимания...

Продолжив далее свой путь, я вскоре снова вышел на ту улочку, по которой в своё время начал подъём к крепости. Отсюда до выхода было уже совсем недалеко. Я уже почти подошёл к крепостным воротам, когда чуть было не наткнулся в темноте на стоящий посередине пустынной улицы автомобиль, чем-то напоминающий мой собственный, оставленный за воротами крепости. Однако при ближайшем рассмотрении стало ясно, что это совсем другая машина. Судя по всему, её бросили здесь уже очень давно: краска на корпусе проржавела, и стёкла во многих местах были разбиты. Очень странным показалось мне то, что я точно помнил: когда два часа назад я поднимался по этой же самой улочке к крепости — машины здесь не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.